

Исследователи переходных процессов едины во мнении: решающую роль в развитии кризисов переходной российской экономики 1991, 1998 и 2008 гг. играл субъективный фактор, то есть некорректное вмешательство / невмешательство государства в экономические процессы. Иными словами, кризисы генерировались, помимо прочего, выбором неадекватной модели регулирования переходной экономики без учета тенденций глобального развития.

Ключевые слова: модель регулирования, антикризисная политика, денежная масса, инфляция

В переходной экономике и кризисы «переходные»

Н. Е. КАРМАНОВА,

*Новосибирский государственный
архитектурно-строительный университет
E-mail: professorneka@ngs.ru*

Модифицированный цикл

Экономический кризис 2008 г. еще раз показал, что доминирующая в России экспортоориентированная модель экономического роста, а вместе с ней и неолиберальная политика, с точки зрения «благополучного выхода из перехода», бесперспективны и практически исчерпаны¹. Или уж совсем недвусмысленно – «экономическая модель, сложившаяся в последние 20 лет, окончательно обанкротилась»².

Необходимость смены политики и создания новой экономической модели, опирающейся на расширение инвестиционно-инновационных источников роста, стала очевидной. Как и то, что антикризисная политика, проводимая в российской экономике, если она ставит целью ускорить движение

¹ См.: Гусейнов Р.М., Карманова Н.Е. Два выхода из перехода //ЭКО. – 2008. – № 4. – С. 21–29.

² См.: Ханин Д.И., Фомин Д.А. Экономический кризис 2008 г. в России: причины и последствия //ЭКО. – 2009. – № 1. – С. 31

к завершению переходного периода и обрести статус развитой экономики, не должна ограничиваться существующими теоретическими моделями антикризисного регулирования развитых рыночных систем.

Трансформационный системный кризис, явившийся следствием резкой смены формы собственности, до сих пор не преодолен полностью (российская экономика по величине ВВП едва достигла 85% от уровня 1987 г.), выходит за рамки циклических колебаний, свойственных зрелым рыночным системам, и отличается от них и причинами, и функциональной ролью.

На первый взгляд, наблюдаются хрестоматийные колебания в рамках 8–12-летнего цикла: кризисы 1991 г., 1998 г. и, наконец, год 2008. Но цикл 1998–2008 гг. имеет значительно модифицированный вид: Россия оказалась слабо подверженной общемировой закономерности, согласно которой глубокие финансовые потрясения в стране порождают затяжное сокращение создаваемого ВВП. Уже в 1999 г. потери ВВП в результате валютно-финансового кризиса 1998 г. были восполнены. Это нормально: в переходной экономике России, чрезмерно зависимой от внешнеэкономической конъюнктуры, и кризисы – «переходные».

Восстановительный рост, как обозначил его Е. Т. Гайдар, длился с 1999 г. по 2007 г.; он был, преимущественно, экстенсивным («рост» производительности труда был отрицательным) и не отличался устойчивостью.

«Модификация цикла» и резкое оживление российской экономики – результат благоприятного стечения обстоятельств, усиления спекулятивных тенденций на мировом рынке, а не государственной стратегии роста. Отсутствие устойчивости роста здесь логично. Как и то, что высокая степень зависимости российской экономики от мировых держав, обусловившая оживление в 1999 г., стала причиной спада в 2008 г. Поэтому, скорее всего, «модифицированный цикл» будет выглядеть таким образом: кризис – оживление – кризис. Такова схема типичного эпизодического роста без развития: подъем закончился, едва успев начаться.

Причинные факторы

Общеизвестными причинными факторами циклического развития зрелой рыночной экономики, как правило, являются: избыток сбережений у населения и недостаток инвестиций в производство; превышение производства средств производства над производством предметов потребления; экспансия банковского капитала; перепроизводство товаров; технические новшества; политические события и др.

Несложный анализ объективных и субъективных причин переходных кризисов в российской экономике позволяет квалифицировать начало преждевременного трансформационного спада 1991 г. как искусственно созданный, а значит, нетрадиционный кризис. Причинная доминанта затяжного переходного кризиса российской экономики – субъективный фактор, просчеты и ошибки государства и «зацепка» за внешнюю конъюнктуру.

Цепочка переходных кризисов (оживление происходило при улучшении внешнеконъюнктурных факторов) – следствие того, что российская экономика застряла на определенном этапе переходного периода и оказалась не в состоянии его преодолеть. Если при классической депрессии в рыночных экономиках обычно происходит структурная перестройка на базе научно-технического прогресса и открываются новые возможности для экономического роста, то в переходной экономике России этого не наблюдается. Всей чередой кризисов переходной российской экономики предшествуют невысокая инвестиционная активность, накопление и усиление структурных аномалий и формирование экономики, зависимой от добычи и продажи сырья. Даже при относительной финансовой стабилизации не происходило качественного перелома и поворота к формированию «факторов роста». Не случилось также необходимого для преодоления депрессии перехода к перераспределению ресурсов из устаревших производств в отрасли нового технологического уклада.

Сложность преодоления переходного характера российской экономики и переходного характера кризисов поддерживается структурной разбалансированностью экономики. Структурная разбалансированность и затянувшаяся регрессивная

направленность переходного периода – это итог неправильно выбранной модели регулирования макросистемы. Модель регулирования, опасно несовместимая с исходными данными российской экономики накануне перехода и не проявившая своей эффективности в процессах трансформации, доминировала вплоть до очередного провала в переходный кризис 2008 г., «здоровствует» она и поныне. Речь идет о «монетаристской терапии», противопоказанной российской экономике как в условиях дефицитного, так и профицитного бюджета.

Результаты эконометрического анализа, проведенного группой исследователей из СЕМІ-ЕНЕСС (Париж) во главе с Жаком Сапиром в 2007 г., вызвали серьезные сомнения в наличии непосредственной связи между денежной массой и инфляцией в России.

В этих исследованиях были проверены взаимоотношения уровня ликвидности и индекса потребительских цен и принята попытка оценки динамической формы классического уравнения Фишера ($M \cdot V = P \cdot Q$). Результаты оказались удручающими для любого экономиста, придерживающегося монетаристских воззрений. Из 18 тестируемых связей периода 2000–2007 гг. десять порождали отрицательную корреляцию (то есть обратную пропорцию между денежной массой и инфляцией), а четыре дали результат, близкий к нулю. В самом лучшем случае незначительная взаимосвязь между параметрами наблюдалась с отставанием в три квартала (то есть инфляция реагировала на увеличение денежной массы с запозданием в девять месяцев)³.

Реакция цен на колебания денежной массы в российской экономике оказалась слабо предсказуемой, так как в России большее значение имел и имеет по сей день структурный компонент инфляции⁴. Что с очевидностью показывает сравнение индекса цен промышленных производителей (ИЦПП) с индексом потребительских цен (ИПЦ).

³ См.: Сапир Ж. Монетаристская терапия не показана. URL: <http://www.expert.ru/printissues/expert/2007/47>

⁴ То же отмечает В. К. Сенчагов, рассматривая особенности российского кризиса: «Главными факторами роста потребительских цен лежат в неразвитости товарных рынков, в малом числе производителей и слабой конкуренции между ними» (Сенчагов В. К. Мировой финансовый кризис: механизм преодоления // ЭКО. – 2009. – № 1. – С. 53).

Современные данные по России (рисунок) недвусмысленно свидетельствуют, во-первых, о стремлении увеличения нормы прибыли промышленным сектором экономики для целей самоинвестирования и, во-вторых, о недостаточной развитости банков, их неспособности и нежелании активно финансировать инвестиционный процесс. Подобная ситуация в российской экономике стабильно держится на протяжении последних 10 лет. Предприятия и организации инвестировали себя примерно на 70% (в мире эта величина – 20–25%, остальные средства – привлеченные⁵). Однако такое самоинвестирование не может быть достаточным для серьезного обновления фондов в рамках становления шестого технологического уклада и выхода из структурного кризиса. В России снова складывается экономический парадокс: и деньги есть у государства и банковской системы РФ (правда, преимущественно московской), и «денежный голод в экономике возрастает»⁶.

Динамика цен производителей и потребительских цен в РФ в 2008 г. – первом полугодии 2009 г., % к предыдущему месяцу⁷

⁵ См.: Аганбегян А. Г. Россия на переломе // Наука в Сибири. – 2007. – № 28. – С. 8–9.

⁶ См.: Казанцев С. В. В России деньги есть – в банках // ЭКО. – 2009. – № 5. С. 47 – 62.

⁷ URL: http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/129zen-pr13.htm

Россия застряла на самом сложном этапе перехода – в структурной перестройке экономики, скатываясь в очередной переходный кризис при любом некорректном «телодвижении» государства. Российский переходный кризис имеет все признаки структурного.

Если при выходе из кризиса и, соответственно, завершении переходного периода пытаться строить прогрессивную экономическую систему, этот процесс будет несовместим с реализацией принципов монетарной концепции на данном этапе развития российской экономики. Следование рецептам монетаристской терапии отражает создание неадекватной модели поведения государства как по отношению к обществу, так и по отношению к формирующейся рыночной системе, которая реагирует на это социально-экономической инволюцией.

Трансформация переходного кризиса

Отечественная экономика все больше и больше вовлекается в глобальные рынки и контролируется наднациональными институтами: она стала звеном в цепи транснациональных потоков финансов, технологий, информации и труда – всего, что может быть овеществлено. Россия, независимо от того, насколько в ней сформировалась рыночная система, оказалась втянутой и в объективно существующую экономическую закономерность рыночной экономики – циклическое развитие. Поэтому, чтобы оказаться в составе передовых макросистем, российской экономике необходимо синхронизировать стадии цикла и стратегии с передовой мировой экономикой. Иными словами, трансформировать переходный кризис в классический кризис циклично развивающихся рыночных систем. Критерием такой трансформации будет служить структурное оживление растущих отраслей промышленности, опирающихся на новые технологии, поглощение новыми секторами избытка рабочей силы, рост зарплат и обязательное снижение индекса цен промышленных производителей.

Глобальный кризис на мировых финансовых рынках должен разрешиться формированием нового технологического уклада и кластеров новых технологий: выход из глобального кризиса предполагает обязательное становление нового

технологического уклада. Для развитых рыночных экономик – это начало нового цикла длинной волны Кондратьева, а именно, шестой технологический цикл. В модели стратегического поведения высокоразвитых экономик доминирующей остается стратегия инноваций, продолжающееся инвестирование в новые технологии на качественно новом уровне и усиление конкуренции на международном рынке. На это и должна ориентироваться российская экономика, встраиваясь в мировое сообщество.

Преодолеть переходный кризис возможно только при его трансформации в классический с устранением структурных аномалий и снижением величины индекса цен промышленных производителей. В современной России основа рыночной экономики и эффективного развития макросистемы – конкуренция, способная снизить ИЦПП, невыгодна, так как уменьшает для промышленных производителей возможности самоинвестирования. В этих условиях становится очевидной необходимость стороннего инвестирования и замены «монетарной терапии» в борьбе с инфляцией политикой, основанной на новых теориях инфляции. Именно они адекватны для российской макроструктуры и дают более реалистичные результаты.

Новые теории инфляции – «модели с вязкой информацией» (Грегори Мэнкью и Рикардо Рейс) и концепция «денежной иллюзии» (Герберт Саймон и Даниэль Канеман) – доказывают следующее. Во-первых, возможность существования «естественной», или структурной, инфляции, не связанной с денежной массой. Далее существует порог, после которого монетарная политика не имеет значения в борьбе с инфляцией. Во-вторых, они доказывают, что уменьшение инфляции ниже ее «естественного» уровня представляет опасность. Нулевая инфляция не может являться целью политики. В-третьих, если часть инфляции носит структурный характер, то ее «естественный» уровень оказывает глубокое воздействие на экономическую структуру. Естественный, «структурный» уровень инфляции для сегодняшней российской экономики определен на уровне 10–12%⁸.

⁸ См.: Сапир Ж. Указ. соч.; Греков И. Е. Об оптимальном уровне инфляции // ЭКО. – 2009. – № 8. – С. 13.

В данной ситуации и со структурной инфляцией, и со структурным переходным кризисом следует бороться при помощи динамичной инвестиционной политики. *Оптимизация доли и структуры инвестиций в ВВП и создание модели инвестиционного развития и инвестиционных источников, не сформированных за период рыночных реформ, – главный фактор, определяющий перспективы выхода из переходного кризиса и обеспечение устойчивого экономического роста.* Пока банковский сектор недостаточно силен, а эффективность иностранных инвестиций в российскую экономику невысока по причине их неудовлетворительной структуры, качества и размещения (более 85% иностранных инвестиций, в том числе около половины того, что считается прямыми иностранными инвестициями, – кредиты⁹), задачи главного инвестора должно взять на себя государство.

Экономическая целесообразность государственного инвестирования основывается также на том, что в России главным инвестором в реальный сектор экономики всегда было государство, что исторически закономерно. Во-вторых, сегодня внешние источники финансирования отсутствуют, экспортная выручка резко сжалась. В-третьих, государству необходимо эффективно распорядиться накопленными золотовалютными резервами, чтобы их не потерять. На 27 марта 2009 г. российские золотовалютные резервы составляли 388,0 млрд дол.¹⁰ (в международном рейтинге по объему золотовалютных резервов Россия – на третьем месте в мире после Китая и Японии).

В России, по одну сторону, сформировалось очень богатое государство с большими возможностями. По другую сторону – неэффективная, с низкой производительностью экономика, погрязшая в долгах иностранным кредиторам: в 2007 г. расходы на обслуживание внешнего корпоративного долга российских предприятий достигали 2,5% ВВП страны¹¹; российские компании и банки заняли за рубежом 570 млрд дол.¹²

⁹ См.: *Делягин М.* News. altapress. ru. 18.11.08. URL: <http://www.ryzkov.ru/publications.php?id=7969>

¹⁰ См.: Международные резервы РФ в 2009 г. URL: http://cbr.ru/statistics/print.aspx?file-credit_statistics/inter_res

¹¹ См.: *Казанцев С. В.* Кризис рукотворный. //ЭКО. – 2009. – № 2. – С. 17.

¹² См.: *Кулешов В. В.* Мировой финансовый кризис и его последствия для России //ЭКО. – 2009. – № 1. – С. 5.

и почти столько же Минфин РФ «перекачал» из экономики в резервы. При этом ВВП на душу населения в 2008 г. оценивался в 13,21 тыс. дол.

Новые теории инфляции и увеличение инвестиционной активности государства в рамках выхода российской экономики из переходного кризиса и прогрессивного завершения переходного периода являются отражением реализации принципов неокейнсианской модели регулирования экономики.

Чтобы данная модель регулирования экономики работала эффективно, экономическое развитие носило системный характер и подчинялось циклическим закономерностям, необходимо создать оптимальную структуру в экономическом пространстве, иными словами, сформировать кластерную модель экономики – комбинацию конкуренции и кооперации – благоприятную среду для инноваций шестого технологического уклада. Хорошо работающий кластер – обязательная черта рыночной экономики: нет кластера – нет эффективной экономики.

Построение кластерной модели экономики в России позволит развиваться равномерно всему экономическому пространству. Относительно равномерное хозяйственное освоение территории – одна из основных характерных черт развитых стран. Усилия по развитию кластера должны идти через достижение конкурентных преимуществ и специализацию, что требует построения кластеров с учетом местных различий. Чтобы не создавать нездоровую специализацию в экономике, совершенствование всех кластеров следует осуществлять одновременно. Тогда кластеры будут представлять оптимальное структурирование экономики: конкурентоспособность повысится, а конкуренция станет более действенной.

Пока, спасая реальный сектор, государство придерживается стратегии приоритетных отраслей: выделяет финансовые ресурсы, избирательно помогая определенным фрагментам экономики. Принцип здесь следующий: поддерживается нефтегазовый сектор – он дает большую часть ВВП, отрасли с большим числом занятых и высокотехнологичный сектор¹³.

¹³ См.: Кулешов В. В. Мировой финансовый кризис и его последствия для России. //ЭКО. – 2009. – № 1. – С. 10.

По наблюдениям М. Портера, политика, направленная на обеспечение преимуществ для отдельных организаций, разрушает рынки и приводит к неэффективному использованию ресурсов правительства. Фокусировка на уровне отрасли также приводит к большому риску разрушения или ограничения конкурентной борьбы. Реализация «стратегии приоритетных отраслей»¹⁴ не гарантирует повышения производительности и приобретения конкурентных преимуществ. А это так необходимо для преодоления структурного переходного кризиса и ускорения завершения переходного периода.

Для России кластеры хороши еще и тем, что выгодны отсталым и обособленным регионам, где нет крупного бизнеса. Они позволяют малым и средним фирмам комбинировать малосерийное производство с крупномасштабным подходом, достигать значительных результатов в снижении стоимости транзакций благодаря тому, что фирмы, входящие в кластер, и их поставщики работают рядом, и частота их взаимных контактов весьма высока. Развитие кластера представляется управляющим фактором в движении от низшего среднедушевого дохода (доход на душу населения от 8 тыс. дол. до 15 тыс. дол.) к развитой экономике¹⁵.

Правительствам стран с экономиками, застрявшими в пассивной фазе структурной перестройки переходного периода, необходимо понимать, что хорошо работающий кластер – обязательный атрибут развитой экономики. Экономика США практически полностью кластеризована. В ФРГ в одной только Баварии 19 кластеров¹⁶. В настоящее время полностью кластеризованы финская и скандинавская промышленность. Конкурентоспособность Швеции в целлюлозно-бумажном секторе распространяется на оборудование по деревообработке и производству бумаги, конвейерные линии

¹⁴ См.: Глазьев С. Стратегия развития. URL: <http://institutions.com/strategies/900-perspektivy-socialno-ekonomicheskogo-razvitiya-rossii.html>

¹⁵ См.: Портер М. Кластеры и конкуренция. Новые программы для компаний, правительств и организаций. Конкуренция. М.: Издательский дом «Вильямс», 2000. С. 240–243.

¹⁶ См.: Из выступлений на конгрессе «Наступление кластеров – Бавария» URL: http://www.bayern.ru/russisch/page_399.html

и некоторые смежные отрасли-потребители (производство спичек). Дания разработала специфические промышленные технологии для агробизнеса и пищевой промышленности. В Италии специальные кластеры сформировались в промышленных районах, где сложились отраслевые комбинации. Это металлообработка – режущий инструмент; индустрия моды – дизайн; кожевенное производство – обувь; деревообработка – мебель¹⁷.

Стратегически целесообразные для российской экономики типы кластеров в соответствии с моделью отношений «государство – промышленный бизнес» – это кластеры с активной государственной инициативой. Пока российская экономика остается переходной, основным ориентир – это кластеры азиатского типа: государственные органы в странах Азиатского региона считают своим долгом активно и целенаправленно вмешиваться в экономические процессы, обеспечивая защиту национальной экономики и помогая в экспансии на внешних рынках. Это определенная историческая специфика государственной экономической политики Азиатского региона, страны которого должны были бороться за уже занятые «ниши» на мировых рынках.

В реальной экономической жизни состав мировых лидеров и прогрессирующих экономик не постоянен. Опыт последних десятилетий свидетельствует, что развивающимся странам, находящимся на периферии мировой экономики, удалось органично вписаться в мировую систему в качестве полноценных партнеров. Это произошло благодаря повышению конкурентоспособности отраслей с высокой добавленной стоимостью и проведению со стороны государства грамотной политики повышения конкурентоспособности национальной экономики.

Двери в развитую экономику для России по-прежнему открыты.

¹⁷ См.: Кластеры – центры деловой активности // Дело. Общество. Деньги. – 2008. – № 1. URL: <http://delo.yuga.ru/pages/dod/news/show/?newsid-31425>